

К ИСТОРИИ АФГАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН» (СЕРЕДИНА – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1990-х гг.)

А. А. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена истории афганского движения «Талибан» с момента появления движения и до установления его власти в Кабуле осенью 1996 года. Конфликт в Афганистане на протяжении более 50 лет сохраняет свою высокую международную актуальность, в том числе, для сферы региональной безопасности, включая и интересы безопасности Российской Федерации. В этом контексте важным является формирование научных представлений о внутренних и внешних причинах возникновения главного актора афганского конфликта – движения «Талибан». Это становится особенно актуальным после 15 августа 2021 года, когда талибами был вновь установлен контроль над Кабулом и подавляющим большинством провинций страны. Целью статьи является рассмотрение и анализ основных мотиваций движения на первом этапе участия талибов в военно-политическом процессе, а также сохраняющие актуальность глубинные внутренние и внешние причины самого появления «Талибана». Безусловно, со времени появления данного движения в 1994 году оно серьезно эволюционировало; важным и актуальным является и понимание отдельных периодов истории движения.

В статье также рассматриваются роль и мотивы Пакистана и других внешних акторов в создании «Талибана». Также определены основные этнические и политические, пуштунские родоплеменные, религиозно-мировоззренческие и региональные характеристики «Талибана». Обзорно в статье рассматривается ход военно-политических событий рассматриваемого периода, а также анализируются некоторые аспекты власти «Талибана» в Афганистане с точки зрения сферы безопасности Центральной Азии и России.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, Пакистан, пуштуны, религия, война, безопасность.

Введение

Вторичный приход к власти движения «Талибан»¹ в августе 2021 года и сохраняющаяся конфликтность в Афганистане как в формате гражданской войны, так и в форме конфликта интересов внешних акторов служат обоснованием актуальности данной темы. Целью статьи является рассмотрение и анализ основных мотиваций движения на первом этапе участия талибов в военно-политическом процессе, а также анализ сохраняющих актуальность глубинных внутренних и внешних причин самого появления «Талибана». Состояние Афганистана продолжительное время формирует статус страны как источника угроз и рисков для стран Центральной и Южной Азии, Среднего Востока. В то же время, хотя движение «Талибан» квалифицируется во многих странах, включая и Россию, как террористическое, необходимо согласиться с тем, что это движение имеет в Афганистане весьма широкую социальную базу, отражая как социально-экономические, так и мировоззренческие установки своего сегмента электората. Этим объясняется во многом тот факт, что движение устойчиво сохраняет свои военно-политические позиции. Понимание феномена талибов должно рассматриваться уже как исторический процесс, осмыслению первого этапа которого посвящена данная статья.

Обзор литературы

Исследованию феномена «Талибана» и его истории посвящен ряд работ отечественных и зарубежных ученых, среди первых необходимо выделить работы Р. Р. Сикоева: это монография «Талибы: религиозно-политический портрет», а также ряд статей [1]. Важной чертой работ Р. Р. Сикоева нужно считать опору на прямые источники по тематике «Талибана»: документы самого этого движения, публикации на языках народов Афганистана и Пакистана. Учитывая преимущественно моноэтнический характер рассматриваемого движения (явления), несомненно, важна работа И. Е. Каткова «Социальные аспекты племенной структуры пуштунов» [2]. Этнополитическая структура афганского общества наиболее глубоко рассматривается в работах В. В. Басова [3], общие политические процессы, предшествующие созданию «Талибана», а также начального периода его существования рассматривает В. Г. Коргун [4]. Уникальный фактический материал содержится в книге В. В. Пластуна и В. В. Андрианова «Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики» [5] и в ряде других работ. Среди зарубежных авторов первопроходцем в описании и первичном анализе «Талибана» является пакистанский автор Ахмед Рашид с его книгами «Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia» [6], «Taliban. The Story of Afghan Warlords» [7] и изданной на русском языке «Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии» [8]. В связи с тем, что само рассматриваемое явление остается действующим актором современной политики, нужно отметить, что в существ-

¹ Талибан – официально запрещенная в России террористическая организация

вующих исследованиях частным недостатком является их политическая или мировоззренческая ангажированность, которая естественно снижает общий уровень многих из имеющихся исследований.

Методы исследования

В работе применены историко-сравнительный и историко-типологический методы исторического исследования. Историко-сравнительный метод в данном случае позволяет наиболее полно раскрывать сущность исследуемого явления, поскольку явление «Талибана» – это тот случай, когда его сущность в малой степени очевидна и любые оценки опираются на довольно ограниченное число имеющихся фактов. Применен также «идеографический» метод, согласно которому познание в любом случае начинается с описания, характеристики явления, а структура описания определяется характером изучаемого явления. Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического явления в его непосредственности и охарактеризовать исторические события и личности в их индивидуальности и образности.

Результаты и дискуссия

Первые организационные действия по созданию движения «Талибан» относятся ко второй половине 1980-х гг., когда появилась перспектива вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Межведомственная разведка Пакистана (ISI) начала вывоз с афганской территории, в основном с юга, из районов проживания пуштунов, мальчиков, оставшихся без родителей. Религиозные организации отбирали среди них детей для обучения в своих медресе, выпускники этих школ и составили костяк движения, некое подобие янычарского войска в османской Турции.

Угроза сепаратизма пакистанских пуштунов серьезно детерминировала политику Пакистана в отношении Афганистана. «...Эта политика была продиктована меньше исламской солидарной ответственностью, а больше страхом: бесконтрольный пуштунский национализм мог своим влиянием среди беженцев вызывать мятеж пуштунских племен Пакистана»

[9, с. 31]. Пакистанский президент М. Айюб-хан давно выступал за создание афгано-пакистанской конфедерации, что не было принято афганской стороной [10, с. 61]. Эта идея была реанимирована в 1980-е гг.: президент Зия уль-Хак показывал бывшему спецпредставителю ООН в Афганистане Д. Кордовесу карту, на которой были нанесены границы будущей конфедерации. Кроме Пакистана и Афганистана в нее впоследствии должны были войти Средняя Азия и Кашмир [11, с. 63].

Был необходим некий военно-политический субъект, который был бы подконтролен и способен стать доминирующей силой в политической системе Афганистана. Первоначально рассматривалась

кандидатура лидера «Исламской партии Афганистана» («Хезби Ислами») Гульбедин Хекматъяра, пуштунского националиста, полагающего, что в результате союза Пакистана с Афганистаном станет возможным объединение пуштунского народа. Еще в 1987 г. он заявлял, что «...исламское правительство Афганистана отменит все положения о визовых правилах и паспортный режим для граждан Пакистана, границы между Пакистаном и Афганистаном не будет. Мы хотим создать единое государство из Пакистана и Афганистана...» [12, с. 242]. Кордовес пишет: «Зия уль-Хак за несколько дней до смерти (август 1988 г.) в беседе со мной отметил, что его целью является создание условий для формирования некоего “Стратегического пакта” на юге Азии. “Мы как прифронтовое государство находимся под постоянной угрозой и не позволим, чтобы проиндийский и просоветский режим, притязающий на часть нашей территории, оставался у власти. Там должно прийти к власти истинно исламское правительство. Это должно быть государство, которое будет составлять одно из звеньев движения панисламизма. Это движение в недалеком будущем охватит мусульманские народы Советского Союза. Вы будете очевидцем всего этого”, – добавил он» [11, с. 68].

Ставка пакистанского руководства на Хекматъяра примерно к 1992 году перестала себя оправдывать именно в силу его чрезмерного пуштунского, национализма. К тому же Хекматъяр после свержения правительства президента Наджибуллы в апреле 1992 года не смог установить контроль над центральными органами власти в Кабуле. Правительство Бурхануддина Раббани, включавшее в основном представителей таджикской партии «Исламское общество Афганистана» («Джамиати Ислами»), рассматривалось в Исламабаде как временное. Радикальные исламистские партии Пакистана сразу занялись дискредитацией правительства Раббани, что серьезно повлияло на настроения приграничных пуштунских племен в Пакистане. ISI и фундаменталисты обыгрывали хорошие отношения правительства Раббани с Индией («историческим врагом Пакистана») и Россией («историческим врагом Афганистана и Пакистана»), чтобы настроить пуштунов против этого правительства. Противоречия между Раббани и Хекматъяром также способствовали реализации планов Пакистана по выводу на внутриафганскую политическую сцену новой силы.

Пакистану был необходим подконтрольный стратегический тыл в виде Афганистана в противостоянии с Индией, в афганской ситуации присутствуют и интересы более широкого геополитического характера, во многом связанные с распадом СССР и образованием новых государств в Центральной Азии. В сентябре 1994 года Кабул посетил пакистанский министр иностранных дел Сардар Асеф Ахмед Али, он провел переговоры

с Хекматъяром и отдельно – с Бурханудином Раббани и его министром обороны Ахмад Шахом Масудом. Обсуждались планы строительства транспортной магистрали по маршруту Карачи – Кандагар – Герат – Кушка. Министр предложил для обеспечения ее безопасности создать подразделения из выпускников медресе, находящихся на пакистанской территории [13, с. 140]. Игра на внутриафганских противоречиях позволила добиться согласия кабульского правительства на создание нового формирования, на финансирование его правительством Пакистана и передачу под его контроль ряда провинций. Новое движение, вскоре ставшее известным как «Талибан», должно было преодолеть фрагментацию Афганистана и открыть транспортные коридоры в Центральную Азию.

Среди вопросов, связанных с объяснением феномена талибов, учитывая их преимущественно сельское происхождение, актуален вопрос о роли в этом процессе традиционной городской пуштунской элиты. Она оказалась неспособной консолидировать пуштунское большинство. Афганистан к началу 1990-х годов представлял собой зону диффузии двух цивилизационных типов – традиционного и ранне-модернистского. Резкое внедрение новых идеологических и политических компонентов подорвало основу традиционного устройства Афганистана. Влияние советской доктрины интернационализма в 1980-х годы дало импульс процессу консолидации этнических меньшинств. Одновременно начали оформляться и прообразы политических структур и движений, объединенных по принципам этничности и в отдельных случаях – конфессиональной принадлежности (хазарейцы-шииты и исмаилиты), территориальной общности, ориентации на определенного лидера и на определенную внешнюю силу, противостоянии той или иной угрозе.

Процесс разложения традиционного общественного строя и появление новых форм групповой идентификации и спровоцировали реакцию, воплощением которой стал «Талибан». Пуштунские племена всегда имели высокую степень автономности от правительства в Кабуле. «Племя поступило частью своей ответственности за поддержание социальной стабильности и обеспечения обороны от влияния извне в пользу центральной власти при сохранении, тем не менее, большей части ответственности за собой» [2, с. 51]. Многолетняя война и политические эксперименты 1970–1980-х годов к 1990-м годам серьезно ослабили взаимную зависимость пуштунских племен и государства, а разрушение институтов государства в 1992–94 годах сделало самостоятельность пуштунских племен и местных полевых командиров почти абсолютной. Отсутствие централизованных государственных институтов способствовало ослаблению традиционной общенациональной пуштунской элиты, которая во многом

и утратила влияние на основную массу пуштунских племен.

С этнополитической точки зрения движение «Талибан» необходимо рассматривать как реакцию пуштунов, ранее доминировавших во властной элите афганского общества, на политический вызов со стороны этнических меньшинств. Например, Ю. В. Босин рассматривает в качестве причины внутриафганского конфликта и, как следствие, возникновения движения «Талибан» сугубо этнический фактор, ссылаясь на то, что «...противоборствующие силы организованы по этнической принадлежности и провозглашают целью своей борьбы защиту интересов своего этноса или этнической группы» [14, с. 69]. Феномен талибов лег на качественно изменившуюся парадигму развития общества, когда завершение процесса этнополитической идентификации и консолидации совпадает с переходом от традиционной позднефеодальной формации к модернистской раннекапиталистической [15]. Один из видных идеологов панпуштунизма, бывший профессор Кабульского университета Осман Рустар Тараки, прямо называет конфликт между талибами и антиталибской коалицией «...выяснением этнических отношений» и выражает надежду, что талибы силой заставят «насильников и мятежников» соблюдать принципы демократии [16, с. 21].

Анализ этого феномена в социокультурном ключе также позволяет оценить возникновение движения «Талибан» как реакцию на изменившуюся реальность. Все издержки переходного времени они отождествляют с самим процессом модернизации. Радикализм – это специфическая форма реакции на тот способ управления страной, который установили победившие в 1992 году моджахеды. Страна хаотизировалась, распалась на зоны влияния вооруженных групп, организаций и партий, происходили постоянные конфликты между моджахедскими формированиями, принимавшие порой форму крупномасштабных военных столкновений.

Асимметричность политики талибов в значительной степени основывается на устойчивой афганской традиции – остром неприятии значительной частью общества привнесенных извне преобразований. Важными катализаторами формирования этой традиции были три англо-афганские войны. Апелляция талибов к исламским ценностям на первом этапе их руководства страной была спокойно воспринята большинством населения. С чисто экономической точки зрения жестокость талибов вообще оказалась адекватна объективно назревшим тенденциям к упорядочению экономической сферы. К примеру, талибы ликвидировали множество контрольно-фискальных постов, установленных на границах зон контроля отдельных полевых командиров, предприняли решительные меры по обеспечению безопасности торговли.

Начальные элементы будущей государственной и политической системы начали складываться у талибов еще до захвата ими Кабула. Но, «...касаясь вопросов будущего государственного устройства, руководители предпочитали отделяться общими заявлениями о необходимости создания в стране “исламского государства”, “справедливого исламского строя” и т. п. Они заявляли, что нет нужды в разработке нового законодательства, поскольку существуют вечные законы Аллаха, все “земные законы преходящи”. Если же понадобится, то государственное устройство “страны определяют улемы” на основе указаний Пророка и законов шариата, а пока что жизнь общества будет регламентироваться указами лидера талибов муллы Омара и решениями правительства» [17, с. 27].

Часть руководителей движения составляли бывшие функционеры Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), которые обеспечивали в «Талибане» организационные начала. Основное ядро движения «Талибан» состояло преимущественно из уроженцев провинций Кандагар, Урузган, Логар, Пактия, Забол, Кунар. Наиболее очевидное деление талибских лидеров можно провести по принадлежности к основным пуштунским кланам. К клану гильзаи относились лидер движения мулла Мохаммад Омар, один из министров иностранных дел мулла Мохаммад Хасан, министр обороны мулла Убайдулла, министр сельского хозяйства мулла Абдул Латиф Мансур, министр водного хозяйства мулла Мохаммад Эсса, министр связи Аллаудод Ахунд, министр юстиции Нурутдин Тураби, министр ресурсов и промышленности Ахмед Джан, известный командир Джелалуддин Хаккани, глава религиозной полиции мулла Каламутдин, заместитель министра иностранных дел Шер Мохаммад Аббас Станекзай, заместитель министра финансов Арифилло Ариф и другие. К клану дуррани также относилось немало руководителей «Талибана», среди наиболее известных – министр иностранных дел до июня 1997 года мулла Мохаммад Гаус, руководитель Национального банка Эхсанулла Эхсан, руководитель таможенного ведомства мулла Абдул Раззак, министр внутренних дел мулла Хайрулла Хайрква, глава верховного суда в Кандагаре мулла Абдул Саттар Санани, министр высшего образования Хамидулла Немани и другие.

Другое деление существовало по критерию приверженности догматической программе (преимущественно гильзаи) и прагматическим установкам (большинство дуррани). Кроме этого, можно выделить еще две не очень четко выраженные группировки: бывшие офицеры королевской армии (как правило, владельцы крупных поместий, утраченных после апрельской революции 1978 года) и бывшие члены фракции «Хальк» НДПА во главе с экс-министром обороны правительства Наджибуллы Шахнавазом Танаем. Некоторые из известных талибских лидеров принадлежали к племенам,

не входящим в объединения гильзаи или дуррани, например, министр информации и культуры Амир Хан Муттаки, происходящий из кочевого племени кочи. Второе лицо в иерархии талибов – председатель верховной Шуры в Кабуле мулла Мохаммад Раббани и секретарь муллы Омара, позже – министр иностранных дел, Вакиль Ахмад Мутаваккиль, были родом из племени какар.

После взятия Кабула в сентябре 1996 года талибы сохранили высший руководящий орган движения, так называемую «Руководящую коллегию», возглавляемую лично муллой Мохаммадом Омаром, ставкой которого остался город Кандагар, параллельно было создано правительство в Кабуле. Наличие двух центров власти было свидетельством как противоборства в руководстве, так и двухуровневой структуры управления. Играло определенную символическую роль и то, что Кандагар – первая столица афганцев-пуштунов как государствообразующего этноса, а Кабул – город традиционно более полиэтничный, к тому же дариязычный (таджикоязычный).

Все члены кабинета считались исполняющими обязанности («сарпараст»), при этом ротация высших чиновников талибской администрации происходила достаточно быстро. Большинство высших постов занимали лица, имевшие духовные звания, что было логично для теократического государства. Особое место в администрации «Талибана» отводилось системе карательных органов, включавшей две структуры: «Ихтисаб» («надзор», первоначально – «надзор за правилами торговли, поведением людей в общественных местах») – орган политического сыска, и «Амр бе мааруф ва нахи аз мункар» (буквально – «повеление одобряемого и запрещение осуждаемого»), выполнявшую функции исламской «полиции нравов» [18, с. 10–11]. Функции внешней разведки выполняло управление «Эдоре-е Эхтезор», которое в последние годы возглавлял Кори Ахмадулла.

Лидер движения мулла Мохаммад Омар имел духовные титулы «ахунд» и «амир аль-Му’минин» (глава правоверных, наместник пророка), он обладал большой личной властью и в ряде случаев принимал единоличные решения, не советуясь с Высшим Советом. На протяжении всей своей деятельности в качестве верховного лидера талибов мулла Омар всегда избегал прямых контактов с лидерами известных афганских партий из числа традиционной и образованной элиты, а также с религиозными авторитетами, не обладая достаточными знаниями в области теологии. Одновременно мулла Омар делал ставку исключительно на религиозные идеи, вероятно, опасаясь приоритета идеологии пуштунского национализма, так как это было чревато возникновением трений между гильзаями и дуррани.

Прагматическое крыло движения «Талибан» стремилось проводить более гибкую и реалистичную линию во внешней и внутренней политике.

Одним из принципиальных разногласий являлся подход к будущему государственному устройству Афганистана. Представители этой группы считали целесообразным пригласить после окончательной военной победы в Афганистан экс-короля Захир Шаха и использовать его авторитет в качестве консолидирующего фактора для всех слоев общества. Их идеалом была конституционная монархия с сильным влиянием мусульманского высшего духовенства. Представители прагматического крыла допускали даже создание коалиционного правительства, которое состояло бы из участников войны против советских войск. Наиболее влиятельный представитель этой группы, мулла Мохаммад Раббани, пользовался большим авторитетом среди полевых командиров и административного аппарата большинства провинций. По мнению «прагматиков», мулла Омар мог бы оставить за собой пост духовного вождя движения. Учитывая более умеренные взгляды этого крыла, пакистанская ISI к концу 1990-х гг. начала контактировать по практическим вопросам именно с ними. В ходе хаджа 1997 года мулла Мохаммад Раббани провел ряд встреч с официальными лицами Саудовской Аравии и многими представителями мусульманских государств и исламских движений. Однако в апреле 2001 года мулла Мохаммад Раббани умер, серьезно ослабив позиции «прагматиков» среди первых лиц талибского движения.

Хотя талибы так и не обнародовали какой-либо полноценной программы, их директивы, лозунги, высказывания лидеров, информация о разработывавшемся проекте конституции и, главное, непосредственно осуществляемая ими политика, а также судебная и полицейская практика позволяют в целом определить их идеологическую базу. И. Добаев определяет идеологию «Талибана» как «...так называемый исламский национализм, базирующийся на своеобразном синтезе религиозного и национального (пуштунского) факторов» [19, с. 91, 97]. В истории религии немало примеров того, что не этнические отношения приспособляются к религиозной системе, а, напротив, последняя приспособляется к ним. Таково, например, явление пантюркизма, основная матрица которого легко показывает аналогию с мировоззренческими установками талибов. Н. Жданов и А. Игнатенко выделяют следующие причины роста влияния ислама, а следовательно, и религиозного радикализма: «...перенаселение; слишком быстрая урбанизация; невозможность обеспечить работой в городе всех приехавших из деревень; имущественное расслоение; низкий уровень сознания и политическая неискушенность представителей маргинальных слоев; уверенность в существовании приемов, могущих быстро и радикально изменить их тяжелейшую жизненную ситуацию» [20, с. 23]. Не сбрасывая со счетов внешне- и внутривнутриполитический, социально-экономический и этнический факторы, этот

тезис также может быть применен к объяснению феномена талибов, учитывая и исторически обусловленную особую восприимчивость афганского общества к радикальным религиозным идеологемам, в том числе – деобандийской школы в суннитском исламе.

В ноябре 1994 года талибы легко захватили Кандагар и взяли под контроль южные районы с преимущественно пуштунским населением. Однако в целом война в 1994–1996 годах носила вялотекущий характер. К лету 1996 года противостояние зашло в тупик, ни одна из военно-политических группировок без поддержки извне не могла добиться решительной победы.

Перелом произошел к осени 1996 года, когда на сторону «Талибана» перешло большинство отрядов Гульбеддина Хекматяра. Отряды талибов, смяв оборону моджахедов, вошли в Кабул. Отступая из Кабула, Ахмад Шах Масуд предлагал Наджибулле покинуть столицу. Но, предположительно, Наджибулла рассчитывал на то, что талибы не посмеют нарушить режим экстерриториальности представительства ООН, где он скрывался с апреля 1992 года. Вместе с ним оставался лишь его брат генерал Шохпур Ахмадзай. Все последующие события были отслежены оставшимися в городе подпольными структурами Ахмад Шаха Масуда, а также его агентурой в среде самих талибов. Группа талибов ворвалась в миссию ООН. В этом участвовали и кадровые офицеры пакистанской ISI, возглавляемые генералом Аслам Бегом (он возглавлял Главный штаб сухопутных войск, затем занимал руководящие должности в пакистанской военной разведке, выполняя наиболее деликатные поручения президента Зия уль-Хака) [21, с. 7]. Наджибулла и его брат Шохпур Ахмадзай были захвачены. Генерал Аслам Бег имел подготовленный документ, отпечатанный на захваченном в президентском дворце бланке канцелярии Наджибуллы, текст которого, датированный периодом пребывания Наджибуллы у власти, представлял собой договор об официальном признании «линии Дюранда» в качестве официальной и постоянной границы между Афганистаном и Пакистаном (в рамках исторического территориального конфликта между странами). Целью пакистанских военных было заставить Наджибуллу подписать этот документ. Наджибулла предпринял попытку сопротивления и был убит [5, с. 114–116].

Весьма дискуссионным является вопрос о планах прямого военного наступления талибов на север. Нередко звучавшие предположения (и даже прямые утверждения) отдельных политиков и средств массовой информации о том, что таджикская оппозиция в союзе с талибами якобы была намерена оккупировать Таджикистан с Узбекистаном, «присоединив к Афганистану территории вплоть до Бухары», не имеют никаких квалифицированных подтверждений. Нереаль-

ность подобных действий обуславливалась отсутствием у талибов прочного тыла, их недостаточной консолидированностью и наличием серьезного сопротивления внутри страны. Важным фактором являлось этнически и ментально враждебное талибам-пуштунам население региона.

Главным вопросом, который стоял перед движением, было воссоздание и укрепление собственного национального (в виде декларируемого исламского эмирата) государства. Попытки формирования монополии на власть влекли за собой сопротивление со стороны сторонников светской государственности и особенно непуштунских этнополитических сил. В этих условиях угроза прямого военного вторжения талибов в Центральную Азию всегда представлялась маловероятной. Их боевой потенциал никогда не был сопоставим с мощностью военных сил центральноазиатских государств, тем более с учетом возможного участия России. В настоящее время талибы также будут полностью заняты решением внутренних задач, отдельно можно рассматривать проблемы консолидации самого «Талибана», реинтеграции различных группировок талибов в жизнь страны. В этом процессе задача установления конструктивных отношений со странами-соседями будет для «Талибана» вообще первоочередной. Косвенные признаки такой стратегии «Талибана» можно уже увидеть – участие в переговорах в Тегеране и в Москве, визиты в Ашхабад, контакты с руководством Узбекистана и Китая в ходе событий всего 2021 года [22].

Безусловно, важным нужно считать присутствие на территории Афганистана иностранных террористических групп. Существует распоряжение Военной комиссии «Талибана», которое запрещает всем членам движения принимать в свои ряды иностранных граждан и предоставлять им убежище. До сих пор это распоряжение носило пропагандистский характер, участие в любой форме во власти должно, вероятно, заставить элиту «Талибана» в определенной мере выполнять это условие. Тем не менее для стран Центральной Азии и России происходящее в Афганистане имеет значение с точки зрения вопроса: не возникнет ли ситуация, при которой афганская территория будет использована международными террористическими формированиями, как это мы видели на примере Сирии и Ирака. Сам по себе «Талибан» нацелен на задачи внутристранового характера, но тенденция к интеграции талибов с международными террористическими структурами уже намечалась в 2000–2001 годах, поэтому ситуация требует к себе внимания.

Выводы

Участие исходившего из собственных интересов Пакистана в создании движения «Талибан» не исключает существование объективных внутриафганских условий для его возникновения. Эти условия многоплановы, они определяют и ряд

важных характеристик движения. Как наиболее важные можно выделить следующие:

– «Талибан» стал формой реагирования на снижение роли пуштунского этноса в управлении страной и в общественной жизни во всех ее проявлениях, это попытка ренессанса пуштунского доминирования, то есть в значительной степени афганский конфликт является межэтническим;

– возникновение «Талибана» является отражением конфликта цивилизационного и социокультурного типа, это феномен, образовавшийся на противоречиях между традиционным и ранне-модернистским укладами, в том числе, между городским урбанизированным и консервативным сельским населением;

– радикальная религиозная форма, принятая талибами в их действиях, как отражает общее мировоззренческое состояние социальной базы «Талибана», так и является результатом исторически сложившегося в Афганистане влияния деобандийской суннитской школы. В то же время религиозные установки талибов во многом этнизированы, это так называемый «местный ислам», что делает это сообщество слабо восприимчивым к внешним по отношению к Афганистану религиозным интерпретациям;

– в рассматриваемый период и до настоящего времени «Талибан» был и остается во многом фрагментированным сообществом, главные линии разломов проходят по трайбалистскому критерию (пуштуны-гильзаи и пуштуны-дуррани), а также по линии противостояния радикалов, или догматиков и условных «прагматиков»;

– социальная база «Талибана» такова, что без внешней поддержки военно-политический потенциал движения в рассматриваемый период не позволяет говорить об однозначном военном преимуществе талибов. Это обстоятельство сохраняется и в ситуации 2021 года;

– артикулирование военной угрозы соседним с Афганистаном странам со стороны «Талибана» никогда не имело под собой доказательной базы, в 1990-е годы и в настоящее время отсутствуют внешнеполитические амбиции, в том числе, и в силу слабых возможностей в управлении самим Афганистаном. В то же время такое состояние страны требует внимательного отношения к существованию на территории Афганистана террористических групп неафганского происхождения, включая выходцев из стран Центральной Азии и России.

Литература

1. Сикоев, Р. Р. Талибы: религиозно-политический портрет / Р. Р. Сикоев. – М., 2002. – 256 с.
2. Катков И. Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов / И. Е. Катков // Аф-

- ганистан: история, экономика, культура. – М., 1989. – С. 39–57.
3. Басов В. В. Национальное и племенное в Афганистане: к пониманию невоенных истоков афганского кризиса : сборник статей / В. В. Басов ; под ред. В. Б. Кравцова. – М. : НИЦ ФСКН России, 2011. – 353 с.
4. Коргун, В. Г. История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. – М. : Крафт+, 2004. – 529 с.
5. Пластун, В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики / В. Пластун, В. Андрианов. – М., 1998. – 116 с.
6. Rashid, A. Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia / A. Rashid. – New York, 2002. – 282 p.
7. Rashid, A. Taliban. The Story of Afghan Warlords / A. Rashid. – London ; New-York : I.B. Tauris Publishers, 2000. – 276 p.
8. Рашид, А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии / А. Рашид ; пер. с англ. М. Поваляева. – М. : Библион – Русская книга, 2003. – 364 с.
9. Grare, F. Le Pakistan face au conflit afghan (1979– 1985) / F. Grare // Le Monde diplomatique. – Paris, 1998. – P. 31.
10. Москаленко, В. Н. Афганистан и Пакистан / В. Н. Москаленко // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998. – С. 61.
11. Cordovez, D. Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal / D. Cordovez, S. S. Harrison. – New York, 1995. – P. 63, 68.
12. Шохуморов, С. Афганские талибы и Пакистан: от союза к разногласиям? / С. Шохуморов // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри ; под ред. А. Малашенко и М. Б. Олкотт. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 2001. – С. 239, 242.
13. Князев, А. Афганский фактор для Центральной Азии / А. Князев // Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии : сборник документов и материалов. – Бишкек : Илим, 2001. – С. 140.
14. Босин, Ю. В. Этнический фактор во внутриафганском конфликте (исторический анализ) / Ю. В. Босин // Восток. – М., 1999. – № 5. – С. 69.
15. Туронок, С. Афганский конфликт: социокультурное измерение / С. Туронок, Х. Эбади // Центральная Азия и Кавказ. – 1997. – № 10. – URL: https://ca-c.org/journal/10-1997/st_12_turonok.shtml (дата обращения: 24.09.2021).
16. Сикоев, Р. Политический облик афганской диаспоры / Р. Сикоев // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 3. – С. 31.
17. Сикоев, Р. Шариатское законодательство в действии / Р. Сикоев // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 3. – С. 27.
18. Давыдов, А. Куда ведут страну талибы? / А. Давыдов // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 6. – С. 10–11.
19. Добаев, И. Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира / И. Добаев // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 4. – С. 91–97.
20. Жданов, Н. Ислам на пороге XXI века / Н. Жданов, А. Игнатенко. – М., 1989. – С. 23.
21. L'ex presidente Pakistano: Dopo le bombe i Taleban sono diventati il vero governo nazionale del loro paese // La Stampa. – Rome, 2001. – 2 di novembre. – URL: <https://www.lastampa.it/esteri/2021/09/20/news/afghanistan-nasce-la-polizia-morale-i-taleban-prima-educare-poi-punire-1.40723280> (дата обращения: 24.09.2021).
22. Асейа-йе Маркази ва чарайан-э эфрат: Аяа Талибан тахдэд хесаб мишавад? / Йаддашт-э Александр Князев, коршэнас-э сеяс-э ва устэд-э Данешгах-э довлетий-э Санкт-Петербург / [Центральная Азия и экстремистские течения: является ли «Талибан» угрозой? / Записки Александра Князева, политолога и профессора Санкт-Петербургского государственного университета] // Сайт информационного агентства «Фарс». – Тегеран, 1400 г. х. [2021]. – 4 мордад [26 июля]. – URL: <https://www.farsnews.ir/news> (на языке фарси).

Князев Александр Алексеевич – профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: knyazev1959@yandex.ru. ORCID 0000-0002-8630-3365

Поступила в редакцию 31 августа 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh210402

REGARDING THE ISSUE OF HISTORY OF THE AFGHAN TALIBAN MOVEMENT (THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE 1990s)

A. A. Knyazev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The research focuses on the history of the Afghan Taliban from the emergence of the movement to the assertion of authority in Kabul in the fall of 1996. For more than 50 years,

the conflict in Afghanistan has been retaining its international relevance, including the sphere of regional security and particularly, security interests of the Russian Federation. In this regard, it is critical to build a scientific understanding of the internal and external causes of the emergence of the Afghan conflict main actor, the Taliban. It becomes particularly pressing after August 15, 2021, when the Taliban regained control over Kabul and the vast majority of the country's provinces. The aim of the research is to examine and analyze the main motivations of the movement in the first stage of Taliban participation in the military-political process, as well as the root causes – both internal and external – for the emergence of the Taliban itself. Undoubtedly, since its emergence in 1994, the movement has radically transformed, but understanding of the individual periods of the movement's history still remains important and relevant.

Furthermore, the research considers the role and motives of Pakistan and other external actors in the formation of the Taliban. It also identifies the main ethnic, political, Pashtun tribal, religious, ideological, and regional characteristics of the Taliban. The article reviews the course of military and political events of the period indicated, and analyzes some aspects of Taliban power in Afghanistan in terms of ensuring security in Central Asia and Russia.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Pakistan, Pashtuns, religion, war, security.

References

1. Sikoev R.R. Taliby: religiozno-politicheskij portret [Taliban: a Religious and Political Portrait]. M., 2002. 256 s.
2. Katkov I.E. Social'nye aspekty plemennoj struktury pushtunov [Social Aspects of the Tribal Structure of the Pashtuns] // *Afganistan: istoriya, ekonomika, kul'tura*. M., 1989. S. 39–57.
3. Basov V.V. Nacional'noe i plemennoe v Afganistane: k ponimaniyu nevoennyh istokov afganskogo krizisa [National and Tribal in Afghanistan: Towards Understanding the Nonmilitary Origins of the Afghan Crisis]: sbornik statej; pod red. V.B. Kravcova. M.: NIC FSKN Rossii, 2011. 353 s.
4. Korgun V.G. Istoriya Afganistana. XX vek [History of Afghanistan. XX Century]. M.: Kraft+, 2004. 529 s.
5. Plastun V., Andrianov V. Nadzhibulla. Afganistan v tiskah geopolitiki [Najibullah. Afghanistan in the Grip of Geopolitics]. M., 1998. 116 s.
6. Rashid A. Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia. New York, 2002. 282 p.
7. Rashid A. Taliban. The Story of Afghan Warlords. London; New-York: I.B. Tauris Publishers, 2000. 276 p.
8. Rashid A. Taliban. Islam, neft' i novaya Bol'shaya Igra v Central'noj Azii [Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia]; per. s angl. M. Povalyaeva. M.: Biblion – Russkaya kniga, 2003. 364 c.
9. Grare F. Le Pakistan Face au Conflit Afghan (1979–1985) // *Le Monde Diplomatique*. Paris, 1998. P. 31.
10. Moskalenko V.N. Afganistan i Pakistan [Afghanistan and Pakistan] // *Afganistan: vojna i problemy mira*. M., 1998. C. 61.
11. Cordovez D., Harrison S.S. Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal. New York, 1995. P. 63, 68.
12. Shohumorov S. Afganskije taliby i Pakistan: ot soyuza k raznoglasiyam? [Afghan Taliban and Pakistan: From Alliance to Disagreement?] // *Islam na postsovetском prostranstve: vzglyad iznutri*; pod red. A. Malashenko i M. B. Olcott; Mosk. Centr Karnegi. M.: Art-Biznes-Centr, 2001. S. 239, 242.
13. Knyazev A. Afganskij faktor dlya Central'noj Azii [The Afghan Factor for Central Asia] // *Afganskij konflikt i radikal'nyj islam v Central'noj Azii: sbornik dokumentov i materialov*. Bishkek: Ilim, 2001. S. 140.
14. Bosin Y.V. Etnicheskij faktor vo vnutriafganskom konflikte (istoricheskij analiz) [Ethnic Factor in the Afghan Conflict (Historical Analysis)] // *Vostok*. M., 1999. № 5. S. 69.
15. Turonok S., Ebadi H. Afganskij konflikt: sociokul'turnoe izmerenie [Afghan Conflict: Sociocultural Dimension] // *Central'naya Aziya i Kavkaz*. 1997. № 10. URL: https://ca-c.org/journal/10-1997/st_12_turonok.shtml (data obrashcheniya: 24.09.2021).
16. Sikoev R. Politicheskij oblik afganskoj diaspori [The Political Image of the Afghan Diaspora] // *Aziya i Afrika segodnya*. 1999. № 3. S. 31.
17. Sikoev R. SHariatskoe zakonodatel'stvo v dejstvii [Sharia Law in Action] // *Aziya i Afrika segodnya*. 2000. № 3. S. 27.
18. Davydov A. Kuda vedut stranu taliby? [Where are the Taliban Leading the Country?] // *Aziya i Afrika segodnya*. 2000. № 6. S. 10–11.
19. Dobaev I. Nepravitel'stvennye religiozno-politicheskie organizacii islamskogo mira [Non-Governmental Religious and Political Organizations of the Islamic World] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2002. № 4. S. 91–97.

20. Zhdanov N., Ignatenko A. Islam na poroge XXI veka [Islam on the Threshold of the 21st Century]. M., 1989. S. 23.

21. L'ex presidente Pakistano: Dopo le bombe i Taleban sono diventati il vero governo nazionale del loro paese // La Stampa. 2001. 2 di novembre. URL: <https://www.lastampa.it/esteri/2021/09/20/news/afghanistan-nasce-la-polizia-morale-i-taleban-prima-educare-poi-punire-1.40723280> (data obrashcheniya: 24.09.2021).

22. Aseja-je Markazi va charajan-e efrat: Aja Taliban tahded hesab mishavad? / Jaddasht-e Aleksandr Knyazev, korshenas-e seyas-e va ustad-e Daneshgah-e dovletij-e Sankt-Peterburg / [Central'naya Aziya i ekstremistskie techeniya: yavlyaetsya li «Taliban» ugrozj? // Zapiski Aleksandra Knyazeva, politologa i professora Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta] // Sajt informacionnogo agentstva «Fars». Tegeran, 1400 g.h. [2021]. 4 mordad [26 iyulya]. URL: <https://www.farsnews.ir/news> (na yazyke farsi).

Alexander A. Knyazev – professor of Faculty of International Relations, St. Petersburg State University (St. Petersburg), e-mail: knyazev1959@yandex.ru

Received August 31, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Князев, А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.) / А. А. Князев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 13–21. DOI: 10.14529/ssh210402

FOR CITATION

Knyazev A. A. Regarding the Issue of History of the Afghan Taliban Movement (the Middle and Second Half of the 1990s.). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 13–21. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210402